

Басова Н. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ В. РОЗАНОВА В ПОВЕСТИ Г. ИВАНОВА "РАСПАД АТОМА"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 16-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. **Фразеологический словарь русского языка** / Под ред. А. И. Молоткова. - М., 1986. - 543 с.
4. **Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R.** Oxford Dictionary of English Idioms. - Oxford: Oxford University Press, 2007. - P. IX.
5. **Dictionary of American Idioms.** - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - P. 53.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ В. РОЗАНОВА В ПОВЕСТИ Г. ИВАНОВА «РАСПАД АТОМА»

Басова Н. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Читатель, знакомый с поэтическим творчеством Георгия Иванова, прочитавший «Петербургские зимы», наверное, испытывает шок, взяв руки «Распад атома». Эта повесть, безусловно «Ивановская» по своей глубокой лейтмотивной структуре, по аллюзиям на русскую классическую литературу написана в совершенно не свойственной Иванову *эстетической* манере. Что это? Способ по-новому, в прозе, выразить себя? Может быть, дань моде? За безжалостно эпатажными, бессвязными и абсурдными на первый взгляд картинами скрывается бездна смыслов и философских идей.

Философские взгляды Василия Розанова вызвали широкий резонанс в общественном сознании конца 19 - начала 20 века. Попытку взглянуть на мир сквозь призму розановских идей представляет из себя повесть Георгия Иванова «Распад атома». Со свойственными Розанову (как, впрочем, и раннему Иванову) «кривляньями и пощечинами человеческому вкусу» мы сталкиваемся уже при попытке определения жанра «Распада атома». На первый взгляд, перед нами текст, к которому подходит Гоголевское определение «поэма в прозе». Но, не смотря на высокую интимность и лиричность произведения, автор определяет жанр «Распада атома» как повесть. И это именно повесть, так как лирический герой не идентичен автору. Это очередная Ивановская литературная маска, игра по правилам философии Василия Розанова. Автор по-розановски пытается заглянуть в человеческое сознание и демонстрирует щемящее одиночество каждого перед вечностью. Построение сюжета основано на движении мысли героя и сродни шизофреническому дискурсу постмодернизма. Автор демонстрирует нам «фотографию» человеческого сознания: мгновенно меняющийся поток мыслей, впечатлений и воспоминаний, организованный по принципу ассоциативной логики. В этом потоке интригующие изменчивых образов просматривается попытка отразить саму суть жизни в розановском философском ключе. Бытие предстает перед нами в совершенно неожиданных мелочах, которые мы привыкли оставлять на задворках своего сознания. Именно из этих мелочей, по мнению Розанова, и состоит жизнь: «Дохлая крыса лежит в помойном ведре» [Иванов 2003: 8], «Лезвие безопасной бритвы зацепилось за разбухший окурок» [Иванов 2003: 8], и рядом фотографии: «толстая, голая проститутка с распоротым животом» [Иванов 2003: 11], «Художник, застрелившийся с голоду или несчастной любви, или от того и другого вместе. Под развороченным черепом пышный аристократический бант, рядом на мольберте какие-то ветки и облака...» [Иванов 2003: 11] и т.п.

Сюжет повести «Распад атома» завязан на двух философских проблемах: попытке осмыслить суть жизни и проблеме человеческого одиночества и самоопределения. Завязкой повести является Розановская идея одномоментной многогранности и противоречивости мира и уникальности и одиночества каждого человека: «Догадка, что огромная духовная жизнь разрастается и перегорает в атоме, человеке, внешне ничем не замечательном, но избранном, единственном, неповторимом. Догадка, что первый встречный на улице и есть этот единственный, избранный, неповторимый. Множество противоречивых догадок, как будто подтверждающий, на новый лад, вечную неосязаемую правду.... Мировой рекорд одиночества. Так ответь, скажи, о чем ты мечтаешь тайком там, на самом дне твоего одиночества?» [Иванов 2003: 7]. Диалог, который рассказчик ведет на первый взгляд с читателем, по сути - это обращение лирического героя повести к самому себе, это попытка посмотреть на себя со стороны, Розановская псевдообъективность: « Скажи, о чем ты мечтаешь тайком, и я скажу, кто ты. - Хорошо, я попытаюсь сказать, но расслышишь ли ты меня?... - так ответь, скажи, о чем ты мечтаешь тайком...» [Иванов 2003: 7], «Я хочу говорить о своей душе простыми, убедительными словами. Я знаю, что таких слов нет. ... Я хочу рассказать, как я тебя любил, как я умирал, как я умер, как над моей могилой был поставлен крест и как время и черви превратили этот крест в труху.... Я хочу рассказать о человеке, лежавшем на разрытой кровати, думавшем, думавшем, думавшее, - как спасти, как поправить, - не придумавшем ничего» [Иванов 2003: 12].

Перед нами одиночество человека, лишенного Родины - («Я хочу забыть, отдохнуть, сесть в поезд, уехать в Россию, пить пиво и есть раков теплым вечером на качающемся поплавке над Невой» [Иванов 2003: 10]), лишенного любимой («Но вот ты вобрала мой свет и ушла. Весь мой свет ушел от меня» [Иванов 2003: 7]), лишенного всего («Зачем нужно бессмертие, если я так одинок?» [Иванов 2003: 14]) ... Герой, лишившийся своей возлюбленной, лишается возможности приблизиться с богом.

Откровенные до вульгарной физиологичности сексуальные сцены (педофилические мечты, описание полового акта с проституткой, фантазии по поводу влюбленной пары, сцены убийства и т.п.), которыми изобилует «Распад атома», совершенно не свойственны всему остальному творчеству Г. Иванова. Розановская идея, что все самое сокровенное, чистое (в смысле рафинированное), без примесей и оттенков, самое полное и всеобъемлющее содержит в себе момент оргазма, крайне эпатажная и резкая для начала 40-х годов, была подхвачена и другими писателями-современниками Иванова («Темные Аллеи» И. Бунина, «Голый год» Б.

Пильняка). В «Распаде атома» лирический герой воспринимает сексуальный акт как единственно ценное и самое сакральное во всем мироздании (« Может быть, Наполеон воевал и Титаник тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать» [Иванов 2003: 14]). Автор вкладывает герою своей повести самые запретные и аморальные желания и фантазии, как будто стремясь наиболее сильно шокировать читателя: «Совокупление с мертвой девочкой» [Иванов 2003: 9], «Тишина и ночь. Голые детские пальчики прижаты к окостенелым губам. Они пахнут невинностью, нежностью, розовой водой. Но нет, нет - не обманешь. Штопором, штопором вьется жадная страсть, сквозь видимость и поверхность, упоенно стремясь распознать в ангельской плоти мечты свою кровную стыдную суть...» [Иванов 2003: 27], показывает нам воображаемое убийство парижской проститутки, сексуальные унижения «...ангельчик, белая кость. Я твои барские ножки целовал, я душу отдал за них, так и ты нагнись, носочки мои протухлые поцелуй.... Что же мне делать с тобой, Психея? Убить тебя? Все равно - ведь и мертвая ты придешь ко мне» [Иванов 2003: 29]. Г. Иванов прибегает к интертексту и фальсифицирует литературное пространство: как маниакальное сознание ищет во всем подтверждение своих идей, так лирические герой обращается к не существующим художественным фактам. Так, в «Распаде атома» появляются сексуальное влечение Гоголевского Акакия Акакиевича к генеральской дочке (которая появилась лишь в конце «Шинели» и по сюжету даже не встречалась с Акакием Акакиевичем), упоминает Гоголя и Толстого.

На фоне несвойственных творчеству Иванова откровенных сексуальных мотивов трансформируется образ Женщины. Ее как будто нет. Есть только мужчина. Женщина - инструмент для достижения сексуального наслаждения, способ связаться с богом: « Женщина, сама по себе, не существует. Она тело и отражает свет», «Женщина. Плоть. Инструмент, из которого извлекает человек ту единственную ноту из божественной гаммы, которую ему дано слышать» [Иванов 2003: 7].

Василий Розанов обожествлял тему пола, считал, что самое сокровенное, потаенное - это и есть истина. Он говорил в своих произведениях то, о чем принято молчать в обществе. Г. Иванов идет по его пути, повторяя за Розановым его абсолютно неприемлемую для философии, морали и религии того времени идею: потаенное, сокровенное, сексуальное - и есть сама суть жизни. Единственное чистое и божественное в этом мире. Именно поэтому в «Распаде атома» секс так связан с Богом («Я иду по улице, думаю о Боге, всматриваюсь в женские лица» [Иванов 2003: 6]). После смерти перед Богом важным оказывается не социальные и материальные достижения человека, а последняя страсть, ради которой брошено все: «Если тьма донесет его в конце концов к подножью престола, он не скажет Богу: «Германия должна платить». «О ты, последняя любовь...» - растерянно пролепечет он» [Иванов 2003: 9]. Кроме того, страсть может быть интерпретирована как Божий промысел, как настойчивое благословение (может, именно поэтому так сложно противостоять животным инстинктам): « Как мог министр, подписавший версальский договор, на старости лет провороваться из-за девчонки? ... И вдруг девчонка, чулки, коленки, теплое нежное дыхание, теплое розовое влажное лицо - и ни версальского договора, ни командорского креста, - опозоренный старик умирает на тюремной койке» [Иванов 2003: 8].

Перед нами череда совершенно противоречивых и нелогичных картин, которые в рамках философии В. Розанова и есть сама жизнь. Вся неоднозначность, противоположности - всего лишь крайности одного и того же. Все возможные мысли о предмете (о мире, о человеке) - есть оттенки несуществующей Единой истины, мазки на картине: « Я думаю о Франции вообще. О фиалочках на Мадлен, булках, мокнувших в писсуарах, подростках, идущих на первое причастие, каштанах, распространении триппера, серебряном холодке Аве Мария....» [Иванов 2003: 6].

Розановская философия в сочетании с собственно Ивановскими эстетическими принципами рождает растоптанную, униженную, одинокую многогранную реальность «Распада атома». Это попытка автора по-новому, может быть, более эпатажно, «громко», откровенно выразить свое мироощущение. Попытка уловить ускользающую ежесекундно жизнь, подобно тому, как в поэзии Г. Иванов пытался воссоздать таящий мир прошлого («Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?»). По сути, Иванов пытается выразить боль эмигранта, униженного нищетой, оторванного от культуры и Родины, то есть - все то же, чему посвящены его стихи эмигрантского периода, что позволяет нам считать «Распад атома» абсолютно типичным для творчества Г. Иванова произведением с точки зрения идейного содержания.

Список использованной литературы

1. **Иванов Г.** Сочинения в трех томах. - М., 2003.
2. **Берберова Н. Н.** Курсив мой: автобиография. - М., 1996.
3. **Богомолов Н. А.** Талант двойного зренья // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. - Томск, 1999. С. 132-167.
4. **Василий Розанов.** www.rustrana.ru.
5. **Лабанов С.** Политическая философия Василия Розанова. www.rusk.ru.